Заслуженный деятель искусств Латвийской ССР режиссер Алексей Иванович Лакин — наш земляк, алмаатинец. Работал главным режиссером Республиканского русского театра драмы им. Лермонтова. Сейчас он на пенсии.

В молодости Алексею Ивановичу посчастливилось работать рядом с народным артистом Союза ССР В. И. Качаловым, 95-летие которого недавно отмечала вся театральная общественность страны.

В предлагаемом вниманию читателей материале А. И. Лакин рассказывает о великом артисте.

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ КАЧАЛОВ. Я не знаю артиста более популярного, от первых шагов на сцене до последнего его выступления. Все, кому довелось видеть его в спектаклях или слушать в концертах, никогда не забудут его чудесный пленительный голос, неповторимое обаяние и благородство, светлые, жизнеутверждающие образы. В течение десяти лет работы в Московском Художественном театре мне посчастливилось часто общаться с Василием Ивановичем, репетировать и играть рядом с ним во многих спектаклях, выступать в концертах и слушать его чтение на вечеринках в домашней обстановке. Механические записи не передают живого обаяния неповторимого качаловского голоса.

Не любить его и как худож-

БЛАГОРОДСТВО, ОБАЯНИЕ, ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

ника, и как человека было невозможно. Вся его жизнь и все творчество пронизывала высокая человечность. Он был обаятелен и благороден не только на сцене, но и в повседневной жизни. Мы все любовно-шутливо называли его «холодной музой».

Самым драгоценным качеством этого великого артиста, этого гибкого и разностороннего таланта было поэтическое отношение к своему труду. Среди блестящей плеяды актеров старшего поколения Художественного театра Качалов занимает особое место. В 1927 году, когда в театре только начались репетиции «Бронепоезда 14—69» В. Иванова, я начал работать во МХАТе. До поступления в театр я видел Василия Ивановича во многих ролях. Это были роли интеллигентов в пьесах А. Чехова, М. Горького, А. Толстого, Н. Островского. Трогательный царь Федор, опустившийся на дно Барон, философ-богоскальщик Иван Карамазов.

Для всех в театре было полной неожиданностью, что Качалов по собственной инициативе захотел сыграть мужика-партизана Никиту Вершинина в «Бронепоезде». Многие скептически относились к этому, не представляя, как с качаловским голосом, пластикой, мягкой лиричностью можно сыграть сибирского мужичка с корявой речью и руками. Это был большой творческий риск, но смелые искания, творческая страстность и широта жизненного кругозора позволили Качалову создать незабываемый образ партизана Вершинина.

На всю жизнь остались в памяти те драгоценные замечания, то внимание, которое уделял в этом спектакле нам, молодым, начинающим актерам, Василий Иванович. Он говорил мне, играющему одного из партизан: «Помните о контрастах в единственно русской душе — о злобленности и добродушии». И роль, состоящая из трех-четырёх фраз, приобретала свою законченность.

Огромное впечатление произвело исполнение Качаловым роли «от автора» в «Воскресении» Толстого. С какой страстностью он рассказывал о поруганной любви Катюши Масловой, с каким гневом он осуждал Нехлюдова! Это был голос самого Толстого, толстовская сила разоблачения. Спектакль звучал современно, звучал оптимистически. Больше ста спектаклей «Воскресения» посчастливилось мне сыграть рядом с Василием Ивановичем, и всякий раз с неослабевающим вниманием я слушал Качалова, который в каждом спектакле находил все новые и новые неповторимые «качаловские» краски.

Василий Иванович любил читать стихи не только на эстраде, но в любой обстановке, его не нужно было уговаривать. На товарищеских вечеринках Василий Иванович читал по два-три часа. Репертуар его был неисчерпаем. Особенно он любил лирику Пушкина. Читал он и Тютчева, Фета, Блока, Маяковского, Есенина, А. Толстого. Мы сидели, как зачарованные, слушая его пленительное чтение. Помню, как в рабочей куртке он два вечера для рабочих сцены и технического персонала читал Пушкинского «Бориса Годунова».

Ему всегда нужны были слушатели. В перерывах между картинами спектакля он приглашал нас в свою гримировочную послушать стихи его друзей-поэтов, еще нигде не опубликованные. Когда же мы

просили послушать нас, он охотно соглашался и делал нам очень меткие и интересные замечания с каким-то особым качаловским тактом. Он и нас просил подсказывать ему что-нибудь, по мы, к сожалению, кроме выражения восторга, ничего не умели сказать ему. Кристально чистый человек, Василий Иванович, не терпел нечестности, фальши в быту и не прошал, даже порывал дружбу и знакомство с теми, кого уличал в этих ненавистных ему качествах. Он всегда ратовал за настоящий человеческий контакт между актерами, настоящее взаимное доверие, большое взаимное доброжелательство, желание помочь при неудаче и выразить радость при удаче товарища.

Василий Иванович редко предавался воспоминаниям, но однажды он много и интересно рассказывал нам о Н. Э. Баумане, который долгое время в 1904—1905 г. скрывался в его квартире. Качалов вспоминал, как прощался с ним Бауман за день до убийства, полный веры в победу революции. Помню также беседу о А. П. Чехове. К сожалению, память не сохранила многого, помню только, что в беседе о Чехове Василий Иванович говорил об особенном чеховском смехе, каком-то светлом, заразительном и неповторимом. Встречи и общение с великим артистом нашего века навсегда останутся в моей памяти.

ОГНИ АЛМАТЫ
А. АЛМААТА

14 МАР 1970